

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава IV

Город Авиньон ~ май 1347 года

Дневной воздух был пропитан густым запахом дождя; западное небо было черным.

Кардинал Лин прибыл в Авиньон из Англии, эффектно въехав во двор замка Маллоу в тщательно охраняемой карете. Взметалась пыль от шагов собравшихся, которая тут же скрылась за вихревыми облаками, надвигающимися на замок.

буря. Когда дилижанс приблизился к входу, Лин сел вперед, выглянул в окно и обнаружил, что некоторые члены его передового отряда растерянно бродят вокруг.

Капитан эскорта Лина подстегнул своего коня, призывая его двинуться вперед, и одновременно отчитал своих разрозненных гвардейцев: «Смирно! Стойте!» Никто не послушался его приказа. Капитан остановил коня и схватил ближайшего. «Сержант! Что здесь происходит? Объясните это — немедленно!» «Ответь мне сейчас же!» Сержант сонно поднял голову, словно падая в обморок от опьянения — его взгляд был рассеянным, рот с трудом подбирал слова.

«Хватит этой нелепой показухи!» — прогремел кардинал. Лин выскочил из кареты, придерживая широкополую шляпу рукой и откидывая её на ветру.

Капитан и трое других охранников сопровождали кардинала и свиту Лина, которые вошли в замок. Наверху, по мере приближения к спальне кардинала Василиста, усиливался монотонный гул. Они ворвались в комнату и замерли. Несколько человек застонали и отвели взгляд. Кардинал Лин вытащил платок и прикрыл нос и рот, а один из охранников подбежал к открытому окну и его вырвало.

Перед Лином в постели лежал окоченевший чернокожий и раздутый Василист, лицо которого было покрыто липкой массой ос. Насекомые снуют туда-сюда через открытое окно, унося ужаленных личинок из впадин на его голове. Мертвый кардинал был ничуть не обеспокоен, лежа неподвижно и гнилостно, его глаза высохли на полу, словно пара грязных монет. Лин посмотрел в окно на далекие верхушки деревьев, которые наклонялись и танцевали на ветру приближающейся бури. Затем он снова обратил внимание на жаркий, застоявшийся и душный воздух комнаты, неподвижный, пропитанный слабыми следами лаванды и застарелых человеческих отходов. Несколько стукающих насекомых обыскивали его, паря и кружа вокруг головы, словно гудящий нимб.

Однако Лин не был человеком, склонным к излишним придиркам. Он внимательно осмотрел предметы в апартаментах, его взгляд остановился на пергаменте, лежащем на столе, — он шагнул вперед для более детального изучения. Лин поднял пергамент с последними словами кардинала, адресованными ему. Вскоре после этого группа так же поспешно, как и вошла, покинула замок. Лин, шагая, пробежал глазами письмо. «Апокрифы! Мчитесь, как ветер!» — прорычал он, прячась в карете. «Садитесь немедленно!» — прорычал капитан своим охранникам, и Мужчины поспешили к своим коням. Капитан подстегнул своего коня, чтобы тот возглавил отряд. Карета дернулась и рванулась вперед. Лин оторвал взгляд от письма и содрогнулся. С армией из двадцати четырех воинов кардинал ехал на запад по мосту через Рону, прочь от Авиньона, к апокрифам и к чудовищной грозовой туче, поглощающей горизонт. Однако внимание Лина было поглощено его серьезной ответственностью перед Апокрифическим собором — и перед папой Климентом, который оставался в неведении относительно всех вопросов, касающихся Собора.

После убийства кардиналов Ксавьера и Василиста Лин остался последним выжившим членом Высшего совета; всё, что Собор держал в тайне почти пять веков, теперь лежало на его плечах. И хотя каноническое право гласило, что Наместник Христа — правящий папа — является высшим членом собора, Лин понимал, что обратиться к Клименту напрямую может быть трудно, если не невозможно. Ранее, будучи кардиналом, Климент яростно выступал против любого предложения, которое, по его мнению, могло бы укрепить позиции Апокрифического собора. Климент всегда

Лиан считал, что Собор подорвал авторитет Коллегии кардиналов. Он не питал надежды, что тот изменил свои взгляды после того, как стал правящим Папой. Тем не менее, он был полон решимости добиться встречи с Климентом даже силой, если это потребуется. И если до этого дойдет, он был готов оправдать такой акт неповиновения, совершив нечто, чего никогда прежде не делалось в истории Апокрифического Собора — изъяв свидетельства из архива апокрифов и представив их непосредственно Клименту лично.

Лин и Клемент были полными противоположностями по характеру; они конфликтовали. Оба это знали. Лин был немногословен: скромн, осторожен и искренен. Клемент был бестактен и нетерпелив, наслаждался роскошью и светским образом жизни; как понтифик, он больше походил на эlegantного монарха, чем на строгого посланника Бога. Когда между ними и случались беседы, они были формальными, краткими и в основном ничем не примечательными. За четыре года с момента восшествия Климента на престол кардинал Василист неоднократно обращался к Папе по вопросам апокрифов. Каждый раз ему отказывали в аудиенции на том основании, что Клименту требовалось немедленное внимание по другим, более неотложным вопросам, таким как строительство новых дворцов, государственные дела, финансы и налогообложение. Климент не назначил новых членов в Высший совет даже после смерти кардинала Василиста, и его бездействие привело к тому, что некогда могущественный орган оказался в плачевном состоянии. Его угасание, почти наверняка, было результатом преднамеренной халатности. Однако у Лина теперь не оставалось иного выбора, кроме как навязать себя Клименту и напомнить ему о его ответственности перед многовековым собранием Апокрифов.

Собор был построен в 1334 году по приказу папы Бенедикта XII, который, несмотря на высказывавшиеся стремления вернуть папство в Рим, перенёс все папские архивы из Ватикана в новую цитадель во Франции. Здание, напоминающее гробницу, располагалось в обширной, влажной долине Роны, окружённое с трёх сторон крутыми оврагами, покрытыми вторичными лесами и колючим кустарником. На востоке над ущельем речной долины возвышались крепостные стены Авиньона, а к западу величие города угасла — вместе с его зловонием.

Не прошло и часа, как тщательно охраняемый экипаж с печатью Римско-католической церкви с трудом поднялся по крутой, изрытой колеями дороге, скрытой высокими зарослями вечнозеленых деревьев. Каменные зубчатые стены, мрачно возвышавшиеся за деревьями, были такого же черного цвета, как и небо за ними. Небо сгущилось, словно плавающий пепел; ветер сменил направление и превратился в лед. Вспышки молнии; гром — внезапно крупные капли дождя проложили путь для проливного ливня. Окружение Лина с трудом поднималось по узкой, грязной дороге, а несколько спешившихся и покрытых грязью охранников, объединив усилия, давили на заднюю часть кареты, чтобы ускорить ее движение.

Вперед. Они вытаскивали его из луж; дальше, дюйм за дюймом, фут за футом. Молнии освещали дорогу впереди, очерчивая постоянно нависающий силуэт Апокрифов .

Ни одно окно не нарушало каменный фасад внушительной крепости. Единственный вход охраняли днем и ночью стражи Совета, люди, отобранные Верхним Советом за силу тела и воли, а также непоколебимую преданность. Даже строгий протокол царской гвардии короля Филиппа не мог сравниться с этим. За этими охраняемыми стенами хранились слова Священного Писания, известные лишь немногим из ныне живущих — от полных, некогда священных книг Еноха, Книги Юбилеев, Книги Великанов, Книги Соломона и других до древних свитков, написанных на языках, не слышанных на земле тысячу лет. И от артефактов давно разрушенной греческой Александрийской библиотеки до ассирийских глиняных цилиндров , подробно описывающих годы после Великого потопа и конфискованных из еврейских В ходе первых крестовых походов содержание апокрифов хранило все существующие тайны Церкви и держало их в строжайшей тайне.

Лин искал материалы, содержащиеся в четырех апокрифических переплетах — тексты, которые кардинал знал почти наизусть. И хотя ему было неразумно извлекать что-либо из апокрифов, он не мог придумать лучшего подхода к стоящей перед ним задаче: убедить Климента в вещах, в истинность которых ни один здравомыслящий человек не осмелился бы поверить .

Первым из четырех переплетов был « Физическая статуя», самый большой из них. Он содержал подробные описания монастырей Совета и двух их Вратных камней. В нем также содержалась история каждого из них. Первый Вратный камень был обнаружен в 876 году, во время правления Место раскопок , проведенных при Папе Иоанне VIII, находилось в горных районах Умбрии, в пределах Папской области Италии, и также являлось местом древнего самнитского поселения. Второй Камень Ворот был обнаружен в 877 году при Папе Стефане VI.

Монолит, расположенный на вершине каменистого холма к югу от реки Луары, находится в современной провинции Овернь во Франции.

Вторая книга содержала Прокламации Собора. В ней был перечислен исторический состав Собора. В ней упоминались все Папы Римские и члены Собора, когда-либо служившие на Верхнем и Нижнем Соборах. В ней также содержались уставы Собора .

Третьим обязательным документом были « Исключения Реформации», переписанные папой Бенедиктом XII в 1336 году. Это были канонические поправки или исключаящие положения к папской булле « Редемптор Ностер». Они позволяли Собору управлять двумя своими монастырями таким образом, как он позволял

сочли нужным.

Четвертым и последним из текстов, которые искал Лин, были Переводы Нарамсина — также называемые Верхним Советом «Трансъвидениями с Вратных камней». Эти хрупкие переплетенные страницы датировались тремя столетиями и были названы в честь писца аббатства Нарамсина, покойного священника Гардиена, который благодаря своему самоотверженному служению и преданности в одиночку сумел расшифровать надписи на французском монолите. Эти переводы представляли собой латинский перевод странного языка, высеченного на поверхности французского камня. А поскольку гравюры на итальянском камне были идентичны, страницы Нарамсина служили переводом для обоих Вратных камней, расположенных во Франции и Италии.

Лин знал, что любой из четырех текстов может пробудить ничего не подозревающего Папу к истинной опасности, но для того, чтобы подчинить человека влиянию Лина, а значит, и влиянию самого Лина, понадобились бы все четыре. Апокрифы — контроль. Его нужно заставить это увидеть, если Совет хочет выжить. Карета Лина остановилась, и он выглянул из иллюминатора, увидев силуэты в проливном дожде, которые выстроились в два ряда по обе стороны от пары массивных дверей с железными рейками — входа в Апокрифы.

Внутри Апокрифического собора, за его большими дверями, факелы освещали около двадцати решительных стражников, выстроившихся вдоль входа в коридор. По другую сторону двери раздавался стук прикладов копий, после чего раздался приглушенный приказ: «Откройте, по приказу Его Высокопреосвященства кардинала Леана, главы Апокрифического собора!»

Двое охранников сняли железные прутья и с трудом открыли двери. Кардинал Лин и вот, его капитан, промокший до нитки под проливным дождем, пронесся сквозь толпу. Охранники поклонились, когда они прошли мимо. Двери с грохотом закрылись. Не сбавляя шага, Лин и капитан исчезли в тусклом зале, оставляя за собой след из капель воды, стекавших с их одежды на мощные камни, которые отражали дрожащие блики факелов в коридоре.

Когда Лин завернул за угол и приблизился к концу коридора, внезапно появились шесть охранников. Они стояли перед высокой, богато украшенной дверью, покрытой замысловатой резьбой, тисненым металлическим покрытием и инкрустированной драгоценными камнями. Над замковым камнем было выгравировано греческими буквами слово «АПОКРИФОС». Сержант, стоявший у двери, шагнул вперед, подняв руку ладонью наружу. «Стойте!» Стражники позади него подняли оружие, и по залу прокатился лязг тяжелых железных доспехов. Лин остановился перед сержантом, который продолжил: «Изложите суть ...»

Лин резко отвёл руку в сторону. «У меня нет времени!» Он наклонился вперёд, сложил ладони ладонями и прошептал слова отрывка на ухо сержанту.

Солдат резко развернулся, цокнул каблуками и обратился к охранникам у дверей: «Уступите дорогу Его Высокопреосвященству кардиналу Лину, члену Совета!»

Охранники поспешно расступились, и сержант вставил большой латунный ключ в замок. Они вдавили плечи в безупречные деревянные доски высокой двери, когда дверь открылась. Дверь застонала и мягко открылась. Лин схватил фонарик, который ему передал один из охранников, и проскользнул в образовавшееся в дверном проеме пространство. Позади него массивная дверь с оглушительным грохотом закрылась. Эхо затихло, и его окутала тишина — в неподвижности темнота, нарушаемая лишь его собственным дыханием и ровным шелестом пламени факела .

Лин решительно двигался в темноте, зажигая множество настенных факелов. Огромное помещение обретало форму по мере того, как кардинал рассеивал тьму. Многочисленные ряды книжных шкафов тянулись вдоль стен. Они тянулись рядами по всему полу , на полках хранилось огромное количество текстов — рукописей, свитков и глиняных цилиндров с надписями — все это были тайны Святого Престола. Лин закрепил факел в пустом месте. Кронштейн для фонарика был прикреплен к боковой стороне полки. Перед ним стоял просторный освещенный читальный стол. Он поднял один из нескольких деревянных табуретов, стоявших на столе, и поспешно спустился вниз. Много рядов полок. Он свернул за угол и замер; лед и страх пронизывали его насквозь. Через несколько метров перед ним уже стояла стремянка. Он бросил стремянку, которую нес , и побежал к другой.

Лин забрался на новый табурет и стал осматривать полки, лихорадочно изучая их, прежде чем... Нашёл её — «Статуэтку телосложения». Со вздохом и, казалось, с новым дыханием, он поднял огромную книгу и поспешил к читальному столу. Не успел он положить её на стол, устроиться в кресле и открыть обложку, как сердце замерло в груди . Некоторых страниц не хватало.

«Нет!» — выдохнул он, перелистывая страницы, прикрывая рот рукой, его глаза широко раскрылись и заблестели от смеси изумления и глубокого ужаса. Почти половина страниц была вырвана . «Нет. Нет! Нет!» Он вскочил со стола и побежал к закрытой двери.

«Немедленно открой эту дверь!» — крикнул Лин, стуча кулаком по ней. Ключ щёлкнул в замке, и он, с новой силой, толкнул тяжёлую дверь.

«Кто был в архиве?» — закричал Лин.

Сержант запинаясь произнес: «Ваши, э-э... единственные... единственные кардиналы Совета допущены ».

Лин наклонился к нему вплотную и прорычал: «Я последний из Совета. Последний! Другого нет!»

«А что насчет кардинала Массона?» — спросил солдат.

Лин резко отшатнулся, его лицо ужасно исказилось. «Массон? Такого кардинала не существует».

«Он... этот каменщик знал слова отрывка, Ваше Высокопреосвященство! Мои распоряжения — позволить ...»

— Ключ, дай мне! — перебил Лин. Солдат подчинился. Лин спрятал ключ под мантию. — Я знаю ваши приказы, стражник! — Лин собрался с духом. — Скажите, как он выглядел? Был ли он одет, — Лин указал на свои алые одежды, — как кардинал ?

«Да, Ваше Высокопреосвященство. Он утверждал, что является недавно избранным членом Совета. Он утверждал , что был послан Его Святейшеством для проверки определенных канонических записей. И он хорошо вас знал».

«Сержант, причина моего визита в Апокрифы — сообщить Его Святейшеству о его обязанностях перед ней. Как он мог отдавать приказы относительно вещей, о которых ничего не знает?»

«Ваше Высокопреосвященство, мои приказы таковы...»

«Мать Божья», — пробормотал Лин, рассеянно перебирая пальцами и оглядываясь по сторонам. Затем он , снова обратившись к сержанту , сузил взгляд и спросил: «Как он выглядел, этот кардинал Массон?»

«Был совершенно уверен в себе — держался как кардинал. Ваш рост — светлые волосы — светлая кожа — ах — и один глаз карий, а другой белый!» Солдат указал на свой левый глаз. «Этот был слепой».

Худой сжал зубы и напрягся. Был только один кардинал с такими глазами.

«Черт возьми», — подумал Лин. Блази — должно быть, его подговорил колледж.

«Кто приехал с ним — эскорт?» — спросил Лин у озадаченного сержанта.

«Он пришел один, Ваше Высокопреосвященство, на своем собственном коне».

«Один?» — громко фыркнул Лин. «Сержант, я еду с десятками охранников и бронированной каретой. Вам не показалось странным, что кардинал может выехать за пределы дворца и города без сопровождения? Да еще и на коне?»

«Ваше Высокопреосвященство, каждый раз, когда он приходил, этот Массон... то есть этот человек, шепнул мне в точности те же слова, что и вы сами несколько минут назад. Иначе я бы не впустил его внутрь. Мои приказы...»

«Я знаю ваши приказы!» — воскликнул Лин. «Каждый раз, когда он приходил, — сказали вы , — сколько раз, сержант? Сколько раз вы открывали эти двери этому незваному гостю?»

«В последние дни его было много», — тихо произнес сержант. «Жду его завтра снова;

«Не следует ли мне взять его под стражу, Ваше Преосвященство?»

Лин понимал, что без знания Клементом апокрифов арест Блази мог лишь разозлить его и обострить и без того нестабильную ситуацию.

«Нет, сержант, — спокойно ответил Лин. — Просто не дайте ему доступа к апокрифам. Не арестовывайте его. Новый Совет решит, что с ним делать». Затем ему пришла в голову другая

мысль. «Вы когда-нибудь повторяли кому-нибудь слова отрывка?»

«Я, Ваше Преосвященство? Нет. Мне это запрещено приказом».

«Никогда? Даже самому себе?»

«Никогда, Ваше Преосвященство».

Этот человек почти два десятилетия стоял на страже у той же двери. У Лина почти не было оснований сомневаться в нем. Затем в его сознании возникла мысль: он увидел, как ключ поворачивается в замке, и перед ним открывается дверь. Зловещая правда открылась, и он сразу ее увидел. Кардинала Базилиста пытками заставили признаться в словах отрывка; это несомненно связало Блази с убийством Базилиста .

«Никому об этом не говорите. Мы изменим слова отрывка, прежде чем я...»

Уходите. Никто не переступает порог архива — ни один, кроме меня. Вы меня соберете?

«Воистину, Ваше Высочество. Да», — поспешно согласился сержант.

«И ещё один вопрос: пришёл ли или ушёл ли незванный гость с чем-нибудь — хотя бы с клочком бумаги?»

Сержант ответил: «В первый же день он достал из архива два переплета, и я настоял, чтобы он их вернул. Я его рассердил, но он подчинился. С тех пор он ничего не уносил с собой. Я осмотрел его мантию, насколько это было в моих силах, но не осмелился».

«Требуйте обыскать его лично, поскольку он был... я так понял, кардиналом Совета», — выпалил мужчина . Вспыхнув румянцем, он окинул взглядом каменные полы и пробормотал: «Точно так же, как и вас, Ваше Высочество».

Лин нахмурился. «Больше об этом не говори. Закрой дверь».

«Да, Ваше Высочество». Сержант с силой захлопнул высокую дверь, и Лин вынул ключ из своего облачения, заперев дверь изнутри. Он вернулся к читальному столу.

Лин оценил ущерб, пытаясь понять, что Блази мог узнать из разорванных страниц. Он пролистал еще несколько страниц.

«Черт!» — Лин ударил рукой по отсутствующему разделу. Он углубился в книгу и обнаружил, что все переводы Нарамсина были удалены.

«Черт возьми!» Он ударил кулаком по столу; его гнев эхом разнесся по полке, полу и, возможно, даже до самого недра земли. Через Клементу Лин позаботится о том, чтобы Блази молчал.

«Кар! Кар!» — раздался хриплый крик. «Кар!» Испуганный Лин резко поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит. На книжной полке, рассекая воздух крыльями, сидел порхающий ворон. Лин медленно поднялся. «Как, ради Бога...» Птица бросилась на Лина, целясь прямо ему в глаза. С пронзительным криком кардинал отшатнулся назад. Как молния, стрекотание черных перьев разорвало ему лицо сверкающим клювом и когтями. В окровавленной маске и ослепленный, Лин отскочил назад, врезался в массивную полку и упал. Полка откинулась назад, и ворон взлетел. Опустившись на колени и протерев глаза от крови, Лин обнаружил птицу, спокойно сидящую на той самой полке, где он ее впервые увидел. Медленно он поднялся на ноги.

«Скрип!» Лин оглянулся через плечо и увидел, как качающийся книжный шкаф падает на него. Он вытянул руку и закричал. Лавина книг и полок — гора обрушилась на него, словно оползень из переплетов, сотрясая комнату даже для высоких людей. дверь. Факел, прикрепленный к боковой стороне полки, с грохотом упал на груды книг и поджег их. Затем все затихло — все, кроме потрескивающего пламени и приглушенного стога кардинала, придавленного обломками. В тот же миг фигура ворона вспыхнула облаком рассеивающегося дыма и исчезла. «Ваше Высочество!» — окликнул его сержант, стуча в высокую дверь.

Под ящиком лежал связанный, со сломанными ногами и раздробленными ребрами. Книги и полки преграждали ему путь со всех сторон. Из-под груды валил дым. «Боже мой! Помогите мне! Стража!» — кричал он.

Дым клубился по полу и под порогом двери скапливался вокруг сапог сержанта. «Принесите таран! Созовите всех солдат! Сейчас же!» — прорычал сержант своим людям. Они разбежались. Он стучал в дверь: «Кардинал Лин! Откройте дверь!»

Время шло, дым сгущался. Когда солдаты вернулись с тараном, они с хлещущими слезами и под удушающие крики...

Кардинал, горящий ногами вперед.

~*~

Так случилось, что судьба была благосклонна к кардиналу Блази. Если бы Лин прожил ещё хотя бы один день, Блази могли бы обвинить в убийстве. У Папы не оставалось бы иного выбора, кроме как начать тщательное расследование апокрифов. И такое расследование могло бы иметь далеко идущие последствия.

Раскрыв тайну, которую хранил Собор, Папа Римский наверняка назначил бы новый состав Высшего Совета, даже если бы Блази гнил в могиле нищего. Вместо этого Блази обнаружил, что его путь чудесным образом очищен от препятствий.

На следующий день после того, как апокрифы были охвачены пламенем, лорд-оружейник Папы Римского, капитан Питро, был отправлен расследовать происшествие. Питро вернулся со своими выводами: смерть кардинала Лина и смертельный пожар, уничтоживший содержимое архива, были всего лишь случайностью. Дело было закрыто, и папство продолжило расследование убийства Василиста, хотя и без особой срочности. До запланированного визита короля Филиппа в папский дворец оставалось менее двух месяцев, и именно политика занимала умы и языки дворца. Апокрифы и их секреты должны были подождать. В конце концов, Англия оккупировала часть французской земли, и Филиппу, в рамках действующего перемирия, нужна была помощь Папы Климента, чтобы вернуть утраченные террито

В течение следующего месяца у Блази было достаточно времени, чтобы обдумать украденные им записи. Особый интерес для него представляли переводы Нарамсина.

В уединении замка Шато-Руж он читал и перечитывал этот увлекательный текст.

Если всё это правда, подумал он, поражённый, то призрак моего брата говорил правду: этот монолит обладает силой не только изгнать Эдуарда из Франции, но и сокрушить его — и всех его.

Англия с ним.

Было раннее послеполуденное время, когда Блази вышел во внутренний двор Папского дворца. Он заметил Джулина, идущего по территории поместья в сопровождении двух слуг. На плечах у слуг висело длинное полотно темно-синей ткани, украшенное серебряными пуговицами. «Кардинал Жюлин! Уделите мне минутку!» — крикнул Блази через всю галерею, когда тот приблизился. Прибыл Юлин, еще один кардинал в красной мантии, Фирмус. Фирмус также был дворцовым надзирателем, и его обязанности сделали его самым нелюбимым из всех придворных кардиналов. Он расследовал, документировал и докладывал обо всех дворцовых делах непосредственно Папе. Короче говоря, Фирмус был глазами и ушами Папы и вел себя так, словно уже был им. избрание следующим Папой Римским. Однако, по правде говоря, он был не более чем самовлюблённым любопытником.

тело.

«Джулин, вам известно местонахождение кардинала Туссена?» — спросил Блази.

Фирмус прервал его: «Блази, ты пометил три винные бочки для Его Величества короля Филиппа?»

«Да, вчера утром», — коротко ответил Блази, прежде чем снова повернуться к Джулин и повторить: «Где Туссен?»

Джулин оглянулся через плечо. «Он следил за нами совсем недавно. Возможно...»

Он... ах! Он идёт!

Туссен шагнул через арку Клойстер-галереи, опираясь обеими руками на подлокотники толстый квадрат сложенной синей ткани.

Фирмус протиснулся лицом между игроками «Кардиналов», требуя внимания Блази. «А Туссен?»
«Наполнили ящики из-под бутылок Его Величества и промаркировали их?»

Джулин перехватила этот вопрос. «Да, он это делал. Два вечера назад».

Туссен подошел к группе, запыхавшись и с недовольным лицом. «Джулин, если ты еще долго будешь стоять, они уронят ткань и испачкают ее», — рявкнул он. Джулин заметил трех мальчишек-слуг, гримасничающих от страха, чьи ноги ерзали под значительным весом.

«О, боже! Не урони! В банкетный зал!» — проворчал Юлин своим слугам. Он обернулся и поприветствовал двух кардиналов. «Блази; Фирмус». Он помчался прочь, а слуги последовали за ним.

«Я совсем рядом с тобой», — крикнул Туссен ему вслед. Он кивнул Блази и Фирмусу, явно собираясь спешить за Джулином. Фирмус встал перед ним, скрестив руки за спиной и покачиваясь на пятках. «Его Святейшество попросил меня подтвердить, что ящики с бутылками упакованы и промаркированы», — важно сказал он, глядя на Туссена свысока. «Я полагаю, что да?»

«Так и должно быть», — резко ответил Туссен.

Блази раздраженно хмыкнул: «Только недавно Юлин признался, что Туссен подготовил бутылки». Фирмус еще сильнее запрокинул голову, прищурившись, словно с высоты своего роста, посмотрел на Блази сверху вниз. «В самом деле, он это сделал, но я хочу услышать слова Туссена, а не кого-то другого. Ах да, скажи мне, Блази, ты поставил охрану рядом с винными бочками, которые ты пометил для Его Величества?»

«В этом не было необходимости», — заявил Блази, подняв бровь. «Я предупредил винные бочки, что если они попытаются сбежать из погреба, я лично позабочусь о том, чтобы они напились до смерти, — и поэтому они согласились не сбежать». Сухая улыбка появилась на его губах.

Туссен с трудом сдержал смех.

Бровь Фирмуса нахмурилась. «Я сделаю вид, что не слышал этих шуток кардиналов», — холодно сказал он. «Блази, возможно, вы забыли, что Англия и Франция находятся в состоянии войны». Возможно, вам придется взять на себя личную ответственность, если Его Величество отравится и умрёт». Обратившись к Туссену, он продолжил: «Лорда-оружейника нет в караульном помещении».

Вы видели его сегодня?

Блази вмешался: «Возможно, вы уже обнаружили мои винные бочки без охраны и обратились к капитану Питру с просьбой поставить на них охрану, верно? Если так, то ваш вопрос о том, поставил ли я охрану, кажется совершенно бессмысленным». Фирмус зашипел, но Блази не дал ему повода. «Тем не менее, вы спросили, возможно, потому что намереваетесь...»

Убедить Его Святейшество, что вы застали меня за ужасным нарушением служебных обязанностей? Может быть, это и есть замысел вашей схемы, Фирмус? Представить себя в выгодном свете? «Выставить меня в невыгодном свете перед Святым Престолом?»

Фирмус парировал обвинение цитатой из Книги Притчей: «Глупец излагает все свои мысли, а мудрый держит их при себе до конца».

Туссен дипломатичным путем урегулировал конфликт, ответив на вопрос Фирмуса, заданный им ранее. «Грат де Пуантс уже прибыл и находится в крыле для высокопоставленных лиц. Думаю, вы также можете найти там капитана Питро, кардинал Фирмус».

«Да, конечно», — согласился Фирмус, стремясь завершить разговор своими словами. Он осторожно кивнул Туссену и Блази. «Кардинал Туссен; кардинал Блази». Блази дал мужчине достаточно места, чтобы тот смог восстановить равновесие, а затем крикнул ему вслед: «А кто проходит мимо и вмешивается в чужие распри, тот подобен тому, кто хватается собаку за уши».

Фирмус заметно напрягся, восприняв фразу из Книги Притчей как свою собственную, но продолжал идти, словно ничего не услышал.

Туссен прикусил губу, чтобы скрыть подступающий к голове смехок. Он наклонился к Блази и прошептал: «Капитан Питро там, позади тебя». Он незаметно указал на арки в дальней части двора. «Там, за самой дальней колонной. Он разговаривает с охранником».

«Ах, молодец, Туссен». Блази подошел к колонне. Он нашел Питро за ней и что-то прошептал ему на ухо. Питро кивнул в ответ на шепот Блази, а затем рявкнул на стражника, который повернулся и поспешил в сторону Большого Подвала. Блази благодарно похлопал Питро по плечу и вернулся к Туссену.

«Друг мой, мы должны поговорить. Есть очень важные дела, которыми я должен с тобой поделиться», — почти умоляюще произнес Блази. Туссен наблюдал за почти навязчивым взглядом собеседника, за тем, как тот сжимал руки и с нетерпением раздумывал. Взглянув поверх плеча Блази, он — рявкнул: «Мальчик! Иди скорее!» Большеухий оруженосец настороженно приблизился к кардиналам в алых одеждах. — Ваше Величество?

«Ваше Высочество, мальчик», — поправил его Туссен. «Ваше-вы-высочество. Ты один из ставленников кардинала Жюлина, не так ли?»

«Да, Ваш... да, сэра».

«Твой господин в банкетном зале». Туссен протянул неряшливому мальчику кусок плотного шелка. «Теперь отнеси ему эту ткань. Скажи кардиналу Жюлину, что кардинал Туссен скоро будет там. И если ты запачкаешь эту ткань, оруженосец, ты ответишь за это. Понимаешь?»

«Да, Ваше Величество».

Туссен со вздохом передал материал. «Ну, иди. Уходи». Мальчик поспешил.

Уберите ткань. Туссен заявил: «Не в подвал. Вы послали туда стражника, а у меня слуги дежурят в кладовой. Комната для ботейлерии, безусловно, является частной собственностью». «Вполне подходит», — ответил Блази. Они вместе покинули двор.

Две женщины в красных платьях, шепнув друг другу, поднялись по грубой деревянной лестнице в бутылочную мастерскую. Туссен осмотрел шесть комнат в поисках слуг, прежде чем жестом пригласить Блази в склад бутылок, где они пробирались сквозь лабиринт полных и пустых стеллажей, пока не... Они подошли к дальнему углу комнаты. Здесь они оказались в выгодном положении, поскольку могли заметить приближение входящего человека задолго до того, как незваный гость мог услышать их приглушенный разговор.

Блази говорил довольно долго, в то время как на лице Туссена мелькала целая буря противоречивых эмоций : шок, скептицизм, ужас, отвращение и, наконец, открытое недоверие.

«Как вы можете ожидать, что я поверю в такую абсурдную вещь?» — твердо спросил он, когда Блази закончил говорить. — «Как в какую-то фантастическую сказку!»

Блази защищался: «Видели ли вы когда-нибудь два монастыря, о которых я говорю, упомянутые в папских налоговых записях? Знали ли вы когда-нибудь о цели Собора?» А ещё лучше, что хранится в его архиве? Знаете ли вы, почему Собор и его кардиналы всегда были отделены от церковного электората? Туссен, я видел записи из апокрифов. То, что я вам говорю, — правда перед Богом и Францией. Они охраняют сами врата ада.

«Значит, вы хотите, чтобы я поверил, — медленно произнес Туссен, — что Апокрифический собор построил эти монастыри, чтобы охранять камни, которые на самом деле являются вратами ада?» Мне внушают, что если произнести эти надписи, высеченные на камне, то можно открыть сам ад. И эти Вратные камни, — губы Туссена задержались на этом слове, словно оно имело отвратительный привкус во рту, — спасут всю Францию? Блази, ты что, собираешься принять меня за дворцового кардинала, столь уважаемого моими папскими коллегами, только потому, что мне не хватает рассудка? — фыркнул он. — Даже идиоту было бы трудно поверить в такое безрассудное заявление, как твое!

«Это правда! Я понимаю, что это может быть трудно постичь, Туссен, — клянусь, это правда».

«Хорошо», — Туссен мрачно скривил губы. — «Допустим, ты говоришь правду.

Допустим также, Блази, что ты найдешь способ проникнуть в любой из монастырей Совета, — и что ты найдешь этот тщательно охраняемый камень и точно произнесешь нужные заклинания, которые могли бы открыть Врата Ада». Туссен многозначительно посмотрел на Блази. — «Предположим, как же ты тогда убедишь его демонов «Выполнить твою волю? Что ты скажешь, когда эти... отродья Сатаны извергнутся из этого камня? „Иди, уничтожь англичан?“» — прохрипел Туссен, почти с визгом.

смех. «Раз уж птица, выпущенная из клетки, не возвращается по команде, почему эти Духи должны подчиняться тебе, освободившись? Более того, как ты можешь открывать и закрывать камень одними лишь словами? Нет, Блази; ты говоришь как плененный ребенок, охваченный фантастическим восторгом!»

«В Гейтстоунс можно заниматься гораздо большим, чем просто открывать и закрывать их», — возразил Блази. «Они подобны вратам, но не открываются и не закрываются. Духи могут проходить сквозь них. Переводы выполнены в стихотворной форме, как Священное Писание. Именно этими словами, словами на камнях, можно призвать Духов из них — или вернуть их обратно». Туссен покачал головой. «Вы до сих пор не ответили на мой вопрос. Почему эти духи должны выполнять ваши приказы, если вы их освободили?»

«Переводы подтверждают, что из этих Камней Врат можно призывать Духов и управлять ими!» — почти в панике настаивал Блази, колотя кулаком по толстой доске стены Бутылочной Комнаты. — «И это еще не все. Недавно мне явилось благословенное видение. Ко мне пришел мой брат Жан-Жак, убитый англичанами при Креси . Он говорил о...»

«Хватит этой глупости!» — выпалил кардинал Туссен. — «Меня ждут в банкетном зале. Возможно, вы сможете призвать дух вашего брата и этих... ваших каменных демонов». чтобы помочь тебе. Ни Юлин, ни я не будем поддерживать тебя, когда инквизиция обвинит тебя в ереси, Блази. Можешь быть уверен, что я передам твою невероятную историю Юлину, как ты и просил, — и можешь быть уверен, что он соберет тебя, совершенно обезумевшего от лихорадки. «Я тоже». Туссен отвернулся.

«Нет, подождите. Еще минутку», — крикнул ему вслед Блази.

Туссен не останавливался и не поворачивался, говоря: «У меня никогда не было с вами этого разговора, и если вы утверждаете, что он был...»

«Хотите сами посмотреть на пластинки?» — Блази обошёл стеллажи с бутылками. — «Они у меня есть».

Туссен резко остановился и почесал подбородок. Ни один кардинал Колледжа не отказался бы от возможности заглянуть в архивы Совета , независимо от бессмысленных заявлений Блази, если бы ему действительно предоставили доступ к той самой тайне, которую Совет так ревностно оберегал так долго.

«Покажите мне эти записи. Позвольте мне самому убедиться и собрать воедино свои доводы . Если они окажутся убедительными, я выслушаю вас еще. Если нет, я верну вам записи — при условии, что вы перестанете беспокоить меня и Юлина этим безумием. Забудьте , что вы когда-либо говорили нам об этом. Вы можете мне поверить на слово, Блази?»

«В самом деле, у вас это есть. А у меня есть ваше, чтобы вы хранили эти записи любой ценой и возвращали каждый лист после личного ознакомления?»

«Они мне не нужны. Я всё верну — слово Моё также дано».

«Очень хорошо». Блази, казалось, чуть не обмяк от облегчения. Возможно, у него появятся союзники, как только его друзья увидят то, что он видел. «А когда вы узнаете, что я говорю правду, я буду ждать от вас извинений».

«Этого было бы достаточно», — задумчиво рассмеялся Туссен. Какой же нелепый был этот человек в своем безумии. Тем не менее, записи апокрифов...

«Договорились».

«Я принесу вам записи на рассвете. Я отнесу их в подвал». Блази ушел.

Туссен наблюдал, как Блази пересекает внутренний двор, и ждал, прежде чем покинуть ботанический сад. После этого в конце концов, этот человек, возможно, уже рассказывал об этом безумии другим — было бы нехорошо находиться в компании того, кто, как был уверен Туссен, окажется на дыбах инквизитора не позднее, чем через две недели.

Как и было оговорено, Блази ждал Туссена в подвале на следующее утро. Он передал ему страницы апокрифов, вырванные из «Статуи тела» и других переплетов — всего почти сто страниц. Завороженно читая, Туссен с ужасом осознал, что Блази говорит правду. «Всё правда», — подумал он, ошеломлённый, — «Всё до мельчайших деталей». Остаток дня он просидел в своём кабинете, не двигаясь, не ел и не пил; древние тексты были разбросаны вокруг него. С наступлением темноты он, шатаясь, поднялся на ноги, словно пробираясь сквозь туман кошмара. «Всё правда», — прошептал он в пустую комнату. Осторожно собрав страницы, Туссен отправился на поиски кардинала Юлина.

Город Авиньон ~ Папский дворец ~ Июнь 1347 года

Зал Конклава Папского дворца был украшен фресками с религиозными сценами и портретами папских сановников. Над роскошными помещениями высоко висели фламандские настенные гобелены. Зал простирался в длину и ширину под высокими стенами. Его пол, словно океан, простирался под массивными деревянными балками потолка. Арочные б... Крыша напоминала перевернутый корпус корабля, возможно, подходящий даже для одиссеи Ноя. Зал служил гостевой комнатой дворца — люксом для приезжающих высокопоставленных лиц и подходил для любого случая. Король.

Охранники и слуги снуют туда-сюда через вход в зал, распаковывая подарки короля Филиппа.

багаж. «Уступите дорогу!» — раздался крик из-за двери. Вход освободился, и вошли стражники с алебардами, сопровождавшие полного кардинала до дальнего конца Зала Конклава. Они прошли через вход в богато украшенный Банкетный зал, после чего резко остановились.

В центре комнаты стоял большой обеденный стол. Король Филипп, сидя в одиночестве на высоком стуле с высокой спинкой, занимал центральное место за столом и наслаждался бараниной. Он обедал один. Перед ним стол был покрыт золотыми и серебряными блюдами. Рядом с ним стоял камердинер, всегда готовый наполнить его бокал вином.

Один из охранников ударил алебардой по полу и обратился к залу: «Кардинал Святого Престола Жюлен просит аудиенции у Его Величества короля Франции Филиппа». «Вводите его», — рявкнул Филип, кашляя и набивая рот мясом. Стражники позволили кардиналу Юлину пройти дальше, после чего они развернулись и вышли из зала. Затем они оба отступили и замерли на месте у входа. Юлин подошел к столу и поклонился. «Ваше Величество». Филипп поднял взгляд, небрежно вытирая жирный подбородок: «Как всегда, кардинал, ваши кухни не уступают моим, а обслуживание несравнимо лучше. Вы рассматривали мое предложение — возглавить мои кухни и банкетный зал, Юлин? Я вознагражу вас вдвойне, а то и вдвойне, за все, что у вас есть сейчас. Я не ожидаю от вас большего, чем то, что вы делаете сейчас, ради Его Святейшества». Юлин улыбнулся и снова поклонился, покраснев от королевского кулинарного комплимента. «Для меня большая честь, Ваше Величество, но моя служба должна оставаться в Церкви». Филипп покачал головой. голова в разочаровании.

«Что ж», — Филипп указал на серебряный поднос. — «Похоже, на этот раз ты сбил с толку даже моего камердинера, Юлина. Что случилось?» На подносе стояли две миниатюрные масляные лампы, фарфоровый прибор на трёх ножках и жестяная банка с водой. В центре находилась обитая шёлком шкатулка, искусно украшенная изображениями драконов, в которой лежало импровизированное гнездо из соломы с одним яйцом.

«Можно?» — спросила Джулин.

«Конечно, можете», — согласился Филипп, разглядывая нарисованных драконов.

Джулин собрал детали. «Это я привёз с гонуэзского торгового корабля. Полагаю, тебе это может понравиться». Он поставил две лампы и жестяную коробку на место. Затем он достал яйцо и поместил его в конструкцию. «Лампы нужно зажечь».

«Принеси огонь», — щёлкнул Филипп пальцами. Слуга ушёл и вернулся с огнём. Юлин зажгла лампы. «Масла в лампах благоухают. Теперь яйцо приготовлено, пока вы едите, и его можно съесть после еды». Пламя нагревало банку с водой под яйцом. Другое пламя горело позади яйца, перед вогнутой отражающей пластиной. Сфокусированный свет

предложил заглянуть внутрь яйца.

Филипп заглянул внутрь и увидел тёмный желток яйца, окутанный непрозрачным свечением. «Мне обязательно нужен такой. Как называется это трёхногое приспособление?»

«Называйте как хотите. Это ваше, Ваше Величество», — улыбнулся Юлин, протягивая руку перед камердинером, чтобы наполнить кубок Филиппа. — «Могу я поговорить с вами наедине?»

Филипп отмахнулся от камердинера и протянул руку к стулу. «Садись, Джулин. Говори». Джулин втиснулся в кресло.

«Окно в форме яйца», — внезапно пробормотал Филип с усмешкой.

«Ваше Величество?»

«Название его...» — Филипп указал на украшенный драконами штатив. — «Это окно в форме яйца, потому что я могу видеть, что внутри него».

«Окно в форме яйца — поистине, отличное название». Джулин откашлялся. «Ваше Величество, если позволите... я так понимаю, вы пришли, чтобы посоветоваться с Его Святейшеством по поводу Эдуарда и... самых печальных событий в Креси».

«Значит, кто-то ввёл вас в заблуждение», — заявил Филипп, став холодным и отстранённым. «Советы подобны воде — повсюду и постоянно меняются. Советы у меня есть. Париж ими полон. Мне нужны армии».

«Позвольте мне быть с вами более откровенным, Ваше Величество», — прошептал Жюлин, мельком заметив охранников у дверей.

«Стражники! Оставьте нас!» — крикнул Филипп. Солдаты вышли из большого зала и скрылись за закрытыми дверями. Он откинулся назад и слушал, как Юлин рассказывал о Камне Стражей Апокрифов и его потенциальном использовании в качестве оружия против англичан. Юлин объяснил, как король мог бы помочь, предоставив ему достаточно солдат, чтобы тот смог взять ситуацию под контроль. о камне Ворот.

«Таким образом, как вы теперь можете понять, — заявил Юлин, подводя итог своему объяснению, — ситуация крайне критическая, и ваша помощь крайне необходима».

«О, конечно! Разумеется, разумеется», — заявил Филипп, доедая последние кусочки мяса. Филипп склонил голову, схватил салфетку и прикрыл ею рот. Последовали прерывистые вздохи. Лицо короля покраснело.

Джулин поднялся со своего места. «Ваше... Ваше Величество?» Джулин взял со стола бокал воды.

Филипп уронил салфетку, запрокинул голову и разразился смехом, эхом отразившимся в зале. Сквозь смешки он кашлянул: «Духи — легионы Призраков? Да, я уничтожу его своими Призраками. Воистину! Моими верными Призраками!» Филипп опустил глаза к потолку и с мелодраматическим сарказмом прорычал: «Убирайся, Эдвард, или я...»

«Я призываю на тебя своих Призраков!»

Юлин поставил кубок и, обескураженный, откинулся на спинку кресла. «Ваше Величество, я говорю серьезно».

Лицо Филиппа помрачнело. Он, опираясь на локоть, сердито прошептал: «Я тоже!»
Я уже собрал армию Призраков, Джулин, — в Креси. Верни их. Верни мои армии. Позволь им отомстить Эдварду за свою смерть. Можешь ли твой камень творить такую магию?

Джулин попытался дать дополнительные пояснения. «Вратный камень... это своего рода машина, но...»
Филипп скрестил руки на столе и прервал его: «А что, если ты сможешь освободить этих своих Призраков? Что тогда? Как ты попросишь их уничтожить Эдварда? Скажи мне, Джулин, как убивают призраки? Может, они заставят Эдварда умереть от испуга? — Он захлопнул дверь. Кулак ударил по столу. Джулин вздрогнула и откинулась назад. «Глупость! Мне нужны теплые тела — мужчины!»
«Обученный бою! Мне нужно оружие. Мне нужны деньги. Если бы я хотел напугать Эдуарда, я мог бы послать за его головой, вместе с символом кораблей, полных голов всех убитых им французов!» Глаза Филиппа были ледяными, как кинжалы, и Жюлен опустил взгляд.

Филипп взял себя в руки и откинулся на спинку стула. «К сожалению, кардинал, мои убеждения не так... как бы это сказать... так же утонченны, как ваши. Я вижу битвы, выигранные кровью, потом и хорошо снабженными армиями, а не Призраками. Я приехал в Авиньон не за советом, молитвой, обещанием или рассказами о волшебных камнях. Как мне хорошо известно, Святой Престол собирает налоги как с Франции, так и с Англии. Франции нужны эти деньги для продолжения обороны, и я приехал от имени Франции — как ее служащий король».
«Ваше Величество, как я понимаю, всего лишь с несколькими вашими людьми...»

«Нет, кардинал; вот во что я верю. Я верю, что Его Святейшество подтолкнул вас к этому. Я верю, что Его Святейшество не желает предоставить мне заем и послал вас дать мне еще одно обещание — только на этот раз проклятую армию Призраков». Филипп вынул яйцо из приспособления, откинулся на спинку кресла и начал его очищать. «Сообщите Клементу, что его маленькая уловка провалилась».

Джулин вскочил со стула. «Нет! Его Святейшество меня не посылал! Он ничего не знает из того, что я вам рассказал! И так должно оставаться!»

Филипп замер, его взгляд прожигал дрожащего кардинала.

Джулин неуклюже сел и склонил голову. «Простите меня, Ваше Святейшество. Я...»
Бестолковый дурак.

Филипп вернулся к чистке яйца. «В тебе есть нечто большее, чем я даже подозревал».

Подумайте вот о чём, Юлин: я соглашусь одолжить часть своих войск вашему нелепому делу, если Его Святейшество предоставит мне заём, равный налогам, собранным с Франции и Англии. Если Его Святейшество откажется, то, возможно, все узнают, как Он скрывает это — этот свой еретический камень».

«Однако, Ваше Величество! Вы не должны говорить об этом...»

«Я НЕ ДОЛЖЕН... мне нельзя указывать, чего не следует делать, кардинал», — решительно возразил Филипп. Он наклонился через стол и прошептал: «Обеспечьте мой заем, и вы получите своих солдат. Такова договоренность. А теперь мне нужно отдохнуть».

«Ваше Величество...»

«Довольно, Джулин. Мы никогда не разговаривали». Филип повернулся и крикнул через весь зал: «Я камердинер!»

«Готово! Стража, входите!» Стражники снова появились. «Провожайте доброго кардинала! И освободите мои покои! Никаких посетителей сегодня вечером!»

«Да, Ваше Величество». Джулин встал, поклонился и мрачно последовал за стражниками к двери.

~*~

На следующий день Филипп и Климент со своей командой нотариусов собрались в Зале казначейства. Только тогда Климент понял, что просьба Филиппа о займе была весьма существенной — настолько существенной, что могла замедлить строительство папского дворца. Слухи распространились; по коридорам разносился шепот. Встречи шли плохо, и большинство папских чиновников уже достаточно хорошо понимали, что лучше не беспокоить разгневанного понтифика. Большинство также были уверены, что Климент предложит Филиппу лишь долю, обещание и молитву. Разгневанный и испуганный, Юлин подошел к Туссену, который затем с не меньшей обеспокоенностью обратился к Блази. Если Климент узнает об их намерениях, он может добиться исключения всех троих из Коллегии, отлучения от церкви и заключения в тюрьму. Блази успокоил их опасения и принялся за дело, плетя паутину, которая казалась невыполнимой задачей.

В полдень Блази вошел в караульное помещение, подошел к охраннику и что-то прошептал ему на ухо. Охранник несколько раз кивнул в ответ, и Блази незаметно передал ему письмо и золотую монету. «Никому об этом ни слова. А теперь будьте готовы, он придёт», — скомандовал Блази, прищутив глаза.

«Да, Ваше Высочество», — поклонился стражник, когда Блази быстро удалился. Через мгновение, прибыв из В крыле для высокопоставленных лиц кардинал Фирмус вошел в зал караула. По указанию караула, он подошел к Фирмусу и вручил ему письмо.

«Ваше Высочество», — поклонился стражник.

«Да, что же случилось?» — фыркнул Фирмус.

«Я нашел этот лист на территории двора. Похоже, это не приказ стражника .
Возможно, это что-то важное?»

Фирмус прочитал письмо, поджал губы и взгляделся в глаза охранника .

«Вы умеете читать?»

«Нет, Ваше Преосвященство».

«Тогда как же вы можете быть уверены в том, чем это не является?» « Фирмус допросил его».

Стражник ответил с оборонительной реакцией: «Я знаю, как выглядят подобные приказы; большинство из них выглядят одинаково . На этом листе нет никакого знака знати».

«Вы кому-нибудь показывали этот лист?»

«Я только что это обнаружил. Вы первый, кто это увидел».

«Хорошо, тогда я позабочусь о том, чтобы его вернули. Не обсуждайте этот лист ни с кем. Вы его так и не нашли. Понимаете, что я имею в виду, солдат?»

"Я делаю."

«Если я узнаю об этом, я вызову вас для объяснений — а теперь возвращайтесь к своим обязанностям».

«Да, Ваше Высочество», — стражник поклонился и ушёл. Фирмус огляделся, в его глазах читались жадность и вина; он прижал письмо к груди и перечитал его:

Вот условия Его Величества: Он должен втайне передать одну десятую часть займа кардиналу, который убедит Его Святейшество...

Предоставьте полную сумму. Если сумма займа превысит его первоначальную просьбу, Его Величество также соглашается с тем, что кардиналу причитается одна десятая часть всех излишков. Сожгите этот лист. Никому не говорите.

Фирмус оглядел коридоры в поисках любопытных глаз. Никого не увидев, он сунул письмо под мантию и помчался прочь, не подозревая, что Блази наблюдает за ним издали из тени.

В течение часа Фирмус стоял в зале с четырьмя окнами дворца, убеждая Климента предоставить ему еще больший заем, чем просил Филипп, предлагая более высокую и большую сумму. Частые возмещения. Дискуссия накалилась. Фирмус редко видел Климента таким разгневанным. Однако Климент часто полагался на советы Фирмы в государственных делах. Так случилось, что Папа неохотно согласился с предложениями кардинала Фирмы.

В тот вечер король Филипп и папа Климент подписали документы. В результате сделки Филипп увидел перед собой отрубленную голову Эдуарда, Фирмус — себя на папском троне, а Блази — лица своих погибших братьев. Туссен и Жюлин увидели себя кардиналами Франции, а Климент предвидел дальнейшие задержки в создании своей огромной папской машины. Сделка устроила всех — всех, кроме Климента, его казначеев и

Папский камергер.

На следующее утро король Филипп вызвал кардинала Юлина в зал для совещаний. Филипп сидел на стуле, а перед ним уже стоял кардинал Фирмус, держась за руки, когда объявили о назначении Юлина. Кардиналы обменялись взглядами. Оба были одинаково любопытны и хотели узнать о делах друг друга, но ни один из них не осмеливался говорить открыто в присутствии другого. «Ах, кардинал Юлин, подойдите», — Филипп жестом пригласил его выйти.

Джулин поклонился. «Ваше Величество».

Филипп повернулся к Фирмусу. — Что вы хотели сказать, кардинал Фирмус?

Фирмус откашлялся. «Я пришел узнать, не нужно ли вам чего-нибудь, Ваше Величество».

«Его Святейшество посылает кардинала заботиться о нуждах своих королевских гостей? Я же привёз с собой целую армию слуг. Чем я заслуживаю такого особого отношения?» Филипп почесал подбородок.

«Не совсем, Ваше Величество». Фирмус откашлялся и украдкой взглянул на Юлина. «Если угодно Вашему Величеству, позвольте мне поговорить с вами наедине».

«Воистину. Кардинал Юлин, пожалуйста, подождите снаружи. Кардинал Фирмус, подойдите ближе». Юлин поклонился и вышел из зала.

Фирмус прошептал: «Ваше Величество. Это был я — я обеспечил ваш заём. Я пришёл обсудить компенсацию».

Филипп усмехнулся. «Вижу, что Церковь не лишена собственной коррупции. Хорошо, кардинал, мне должны доставить три бочки вина в погреб дворца. Одну оставлю вам — разумеется, это будет подарок».

Фирмус заерзал. «Я не могу это принять, Ваше Величество. Если позволите, я хотел бы поговорить о десятой части займа».

Филипп был ошеломлен. «Десятая? Десятая часть кредита — в качестве компенсации?»

«Десятое, Ваше Величество, за то, что убедили Его Святейшество предоставить заем».

Филипп нахмурился. «Можете взять то, что я вам предлагаю, кардинал. Даже этого более чем достаточно. А теперь, хотите ли вы вина?»

«Его Святейшество никогда этого не допустит. Ваше Величество, у меня есть лист с условиями нашего соглашения». Фирмус вытащил страницу из-под своей мантии, и Филипп прочитал её. Он поднял бровь.

«Что за чушь? Кто это написал обо мне?»

«Разве вы не в курсе этого, Ваше Величество?»

«Я ничего подобного не говорил! А что касается компенсации, то я буду молчать по этому вопросу!»

Филипп сунул бумагу в жилет. «Если вы кому-нибудь расскажете, что вы или кардинал Юлин обращались ко мне, рассчитывая получить часть займа для себя, я сообщу об этом Его...»

Ваше Святейшество, вы оба сговорились против него. Оставьте меня в покое, прежде чем я пересмотрю свое молчание!

«Да, Ваше Величество». С суровым выражением лица Фирмус поклонился и вышел из комнаты. Выйдя наружу, он взглянул на Джулина, нахмурился и поспешно скрылся в коридоре.

«Впустите кардинала Юлина», — приказал король. Стражники подчинились.

Когда Джулин подошёл, Филип достал бумагу из жилета и медленно потёр её между двумя пальцами. Он уставился на Джулина, а Джулин уставился на бумагу, которая, как он знал, была запиской Блази.

Филипп разразился смехом и вернул лист в жилет.

«Ты очень находчив, Юлин. Не волнуйся, всё хорошо», — усмехнулся Филипп. «Я всего лишь уговорил тебя выступить гарантом моего займа, и ты отлично с этим справился. Можешь забыть, что я подверг тебя опасности в глазах Его Святейшества». Он снова рассмеялся. «Я знал, что Его Святейшество тебя никогда не посылал».

Я вас слишком хорошо знаю. Ах, и кардинал Фирмус считает, что вы тоже пришли за своей наградой. Я дал понять, что если кто-либо из вас признается в этом, я...

«Поделитесь этим вопросом с Его Святейшеством».

«С глубокой признательностью, Ваше Величество». Джулин поклонился и улыбнулся.

«Что касается вашего волшебного камня Призраков, я предоставлю вам своих солдат на строгих условиях. Во-первых, Его Святейшество не должен ничего о нём знать — никогда. Во-вторых, мои люди будут у вас на службе всего несколько дней».

«Очень хорошо, Ваше Величество», — ответил Юлин.

«Вы получите моего капитана Борна и его людей. Я доверяю ему в вопросах сохранения тайны. Только он должен знать все подробности. Не говорите с его людьми; он будет отдавать им приказы».

«Конечно, Ваше Величество».

«Сейчас он в Авиньоне, у него двести человек. Этого будет достаточно, верно?»

Джулин покачал головой: «В самом деле нет. Слишком много».

«Позвольте напомнить вам, что мы находимся в состоянии войны с Англией. Борн держит своих солдат вместе, чтобы его ряды не ослабли из-за пустых расколов. Я доверяю его командованию и инстинктам. Он — лучший из моей Королевской гвардии, и я не вижу необходимости беспокоить его расколом рядов или командования даже на короткое время. Таким образом, предложение составляет двести человек или ни одного. Что же выберете, кардинал Джулин?»

«Двести, Ваше Величество», — вздохнул Джулин.

Король отрыгнул, глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Наконец, он просто... Король пристально посмотрел на Джулина, а затем, сузив взгляд, выразил подозрение. В этот, казалось бы, бесконечный миг, Джулин опустил голову, ожидая, что король передумает и сердито откажет ему. В полной тишине, застыв в опущенном взгляде, Джулин почувствовал, как давит на него всепроникающая пустота мертвенно тихого зала.

На его плечах — затянувшаяся тишина была оглушительной. Нарастающее чувство тревоги жгло ему шею и лицо; и он был вполне готов покинуть высокий сводчатый зал своего собственного дома. согласиться, если бы ему внезапно разрешили это сделать.

«Договорились», — наконец рявкнул король Филипп. «Теперь расскажите мне все подробности — когда и где капитан Борн примет вас на службу, и что вам от него нужно?»

[Конец главы 4]

Это литературное произведение было создано

d исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~